

24.01.22

«ЗАКЛАДЫВАЕТСЯ НОВАЯ ЭПОХА В МИРОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ»

АНДРЕЙ СУШЕНЦОВ О ПЕРЕГОВОРАХ С США: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В РЕАЛЬНОСТЬ».



За неполный первый месяц 2022 года российская дипломатия была вынуждена реагировать на дестабилизацию ближайшего соседа, согласовывать ввод войск ОДКБ и вновь крепить постсоветское пространство. Терпеливо разжевывать западным партнерам всю серьезность выставленных требований по проблематике распространения НАТО на восток. На встрече с главой МИД Германии тестировать обновленный европейский курс после ухода в отставку Ангелы Меркель. В сотрудничестве с китайскими коллегами готовить визит Владимира Путина на Олимпиаду в Пекине. Невероятная география планирования и стратегирования!

Мы встретились с Андреем Сушенцовым, политологом-международником, американистом, с прошлого года исполняющим обязанности декана факультета международных отношений МГИМО, чтобы обсудить последние события в мире и качество реакции российских дипломатов на актуальные вызовы.

– Долгое время на любых переговорах России с коллективным Западом эксперты ставили задачу нащупать общие темы, пусть не самые важные, но общие (терроризм, климат, Арктика), и мелкими шагами двигаться ко взаимопониманию и более конфликтным пунктам повестки. Сейчас же Россия сразу выставила США, по сути, жесткий пакетный ультиматум, который во многом был отвергнут. И мы опять в тупике. Почему правило мелких шагов по пути к большим переговорам было нарушено?

– Я думаю, что закончилась эпоха, которая основывалась на гипотезе, что эта практика дает результат. Если кратко описать логику той эпохи, можно привести в пример разговор президентов Джорджа Буша-младшего и Владимира Путина об американских планах размещения ПРО в Европе в середине 2000-х годов. Тогда президент Путин сказал Бушу: Джордж, ты разве не понимаешь, что вы нас провоцируете на ответные шаги? Зачем ты это делаешь? Иран находится совершенно в другой части мира, разумнее позиционный район ПРО сдвинуть. Буш ответил формулой из трех частей: «Владимир, мы не враги, поэтому делайте что хотите и мы будем делать что хотим».

«Мы не враги» подразумевало, что сознательно США не будут совершать никаких шагов, которые нарушают интересы России. Сознательно. Но если случится так, что США косвенно их нарушили, – извините, это не было специально.

«Делайте что хотите». Что бы Россия ни сделала, американским интересам это никогда не сможет угрожать. Поэтому свободно совершайте любые поступки, и мы будем делать что хотим. У вас нет права вето на то, чтобы ограничивать наше поведение в любой точке земного шара.

Ни с одной из этих точек зрения Россия не была согласна. Но до недавнего времени существовало мнение, что путем переговоров мы можем донести до США ложность ставки на одностороннее, однополярное доминирование.

– Объяснить им?

– Объяснить им путем выступлений, переговоров. Если помните, еще в 1992 году случился «стокгольмский демарш» главы МИД России Андрея Козырева. На конференции СБСЕ он неожиданно для всех выступил с тезисами о том, что Россия обозначает зону своих привилегированных интересов на постсоветском пространстве, ставит защиту русскоязычного населения ключевым своим интересом, что Москва будет жестко реагировать на расширение влияния Запада.

А затем он вернулся на трибуну и сказал: «Знаете, это был провокационный с моей стороны жест, я не имел в виду сейчас это утверждать, однако если мы с вами сейчас не договоримся по поводу устройства европейской безопасности, все придет к этому». Его выступление стало очень ярким пятном в памяти многих моих собеседников в Европе и США.

Те же аргументы содержало выступление Ельцина в 1994 году в Будапеште, где он говорил о «холодном мире» в случае расширения НАТО. Затем выступление Путина на немецком языке в бундестаге в 2001 году. И Мюнхенская речь, и выступление Дмитрия Медведева о пяти пунктах жизненных интересов России после грузино-



южноосетинского конфликта.

Но, видимо, российские тезисы игнорируются. Один мой студент почти пятнадцать лет назад написал в своем эссе: ключевой проблемой внешней политики России является «низкая исполняемость угроз». Российские идеи и предложения забалтывались, не воспринимались всерьез. Считалось, что Россия все стерпит, главное, подавать ей плохие новости по частям, маленькими кусочками. Видимо, это привело российскую дипломатию к выводу, что надо смещать центр тяжести этой дискуссии на другие вопросы.

– Но в чем интерес американских дипломатов заниматься вопросами внутриевропейского устройства?

– По сути, основным интересом США сейчас является преследование интересов Польши, стран Прибалтики и Украины по отношению к России, максималистских причем интересов. А что если симметрично развернуть ситуацию? И Россия поставит в центр своих жизненных интересов максималистские требования Кубы, Сербии, Венесуэлы, Приднестровья, Донбасса и скажет: пока они не будут удовлетворены, мы не перейдем к другим пунктам повестки дня.

Такая постановка вопроса удивительна для наших коллег на Западе. И мы видим, что в последние недели начинают обсуждаться те темы и вопросы, которые до этого невозможно было себе представить.

Цель российской политики – вернуть реализм, в первую очередь в американские оценки. Они впервые сейчас начинают об этом задумываться, а мы им твердо говорим, что никакой чужой военной активности вблизи наших границ быть не может.

Весь экспертный и дипломатический нарратив начинает сдвигаться, причем так основательно, как будто бы изменился центр тяжести у этой конструкции. Дай бог, чтобы она, в условиях нашей глубокой взаимозависимости, относительно мирно начала переваливаться. Но мы видим начало этого процесса, наблюдаем исторические события. Закладывается новая эпоха.

– А в чем мотивация сторон к ее формированию, чтобы вообще разговаривать?

– Теперь они осознали, что Россия – это сильный в военном, политическом отношении игрок, и отсюда повышенное внимание к нашим требованиям по поводу устройства европейской безопасности. Это больше не просьбы нас услышать. Это требования.

И я не думаю, что этот процесс будет тупиковый. Они не могут себе позволить с первого же раунда договориться и принять это. Это выглядело бы как капитуляция. Для американской политики это же вопрос не столько про Украину – она им безразлична. Их ключевой интерес – это репутация лидера, глобального чемпиона. И если американцы вдруг начнут игнорировать мнение Эстонии, допустим, или Польши по поводу вопросов безопасности, встанет неудобный вопрос: «Подождите, а в чем тогда состоят американские гарантии безопасности и что такое НАТО?»

Это стало бы огромным потрясением для ЕС и для американских союзов. Возможно, начнет исполняться прогноз Джона Миршаймера, который в 1990 году описал



причины, по которым мы вскоре будем скучать по холодной войне. Уход США из Европы приведет к формированию силовой полицентричности в Европе и вернет к жизни конфликтную динамику двадцатого века.

– Возможно ли, что этот «уход США из Европы» уже потихоньку начался и американцы переносят основную инфраструктуру в Тихоокеанский регион для противостояния с Китаем?

– Байден не первый, кто ставит вопрос о переносе центра внимания в Восточную Азию. Кондолиза Райс еще больше десяти лет назад впервые сформулировала эту идею. США могут довольно быстро это сделать, однако мнение, что США могут уйти из Европы, все же опирается на гипотетический сценарий: а) отсутствия в Европе хоть какого-то стратегического интереса для США и б) отсутствия угрозы американским союзникам.

Вот этот второй сценарий исходит из того, что Россия вдруг перестанет быть стратегически важным игроком. В американской мысли этот тезис прослеживается. Более того, они начинают часть своей политики реализовывать на основе тезиса *Russia is becoming irrelevant* (Россия становится неважной).

Но если это ошибка? Еще один эпизод ошибочной политики, который они будут сейчас пытаться забросать деньгами и силовым потенциалом? Я думаю, что мы наблюдаем эксперимент по оценке эффективности стратегий – и американской, и российской. А также китайской: в КНР сейчас напряженно наблюдают за происходящим в Европе, на себя все примеряют.

Наиболее трезвые из американских аналитиков прямо пишут: мы напрасно игнорируем русских, давайте зададим себе вопрос: «А в чем наш-то интерес в отношении России?»

– Почему ядерный потенциал будто бы вынут из этой дискуссии? Раньше этого было достаточно, чтобы воспринимать Россию серьезно.

– Нет, он не вынут, разумеется. Развитие ядерных вооружений усложняет эту дискуссию, новые пласты в ней создает. Год начался с принятия заявления пятерки членов Совета Безопасности ООН о том, что ядерная война никогда не должна быть развязана. Это подчеркивает фундаментальный характер ядерного оружия для глобальной стабильности.

Но все же, что стало узловым событием холодной войны и сформировало трезвость по обе стороны этого противостояния? Это критическая угроза ядерной войны в ходе Карибского кризиса. Почему этот кризис оказался столь формирующим для всех? Потому что он протекал в условиях недостатка информации вблизи американской границы, отсутствия прямых средств коммуникации, неясности намерений оппонентов и катастрофических потенциальных последствий для всего мира. И стресс, который испытали и советская, и американская системы, был очень важным с точки зрения осознания рисков и понимания цены этого кризиса.

– Он не забыт?

– На мой взгляд, в американском истеблишменте его уроки уже утеряны. И это



главная проблема. Мы пожинаяем плоды «долгого мира». Который, как писал Достоевский, производит апатию и низменность мысли. И конечно, приводит к избалованности, ощущению, что безопасность достается бесплатно. Это ошибка.

Дилемма о русских волках

– Что нам делать сейчас? Ведь угрозы должны визуализироваться, иначе нас не будут впредь воспринимать всерьез. Но тогда мы просто оправдаем статус агрессора, который рисуют в международных СМИ.

– На самом деле все эти крики по отношению к России: «Волки! Волки!» – звучали с начала 1990-х годов. Они доносились в основном от прибалтийских элит, хотя сегодня, конечно, стали мейнстримом. Но вот что любопытно: главное допущение сводится к тому, что Россия не может вести себя рационально, что это просто постоянно расширяющаяся экспансионистская держава – без логики и прагматики.

Такая оценка, конечно, очень комфортна для многих ленивых умов на Западе, но она неадекватна, потому что не отвечает на огромное количество вопросов. Скажем, по каким правилам Россия вообще играет? Для чего она, например, провела операцию в Сирии? Почему не оставила в Сирии войска для контроля, а вывела основную группировку? Или почему положительно ответила на просьбу Казахстана о введении миротворцев ОДКБ, а затем так быстро их вывела?

Другими словами, крики «Волки! Волки!» не могут объяснить ту рассудочность, лаконичность и прагматизм, с которыми Россия действует на внешнеполитическом контуре. Запад просто не понимает, что значит для России стабильность.

Более того, интеллектуальная лень со стороны провайдеров безопасности в НАТО может привести к целой череде неверных действий, основанных на неверных посылах. Теоретически эти провайдеры безопасности должны стратегически подойти к ситуации и сказать: «Так, понятно, здесь мы граничим с сильным российским военным потенциалом. Мы хотим его сокрушить? Может, и хотим, но ресурсов не хватит, и, скорее всего, это приведет к гибели цивилизации на Земле. Значит, наша задача – понять, чего хочет этот значимый потенциал, и наладить такое поведение тех стран, которые находятся на границе с ним, чтобы не возникало риска начала войны».

– Но происходит как раз обратное.

– Именно. Те маленькие страны, я имею в виду Прибалтику, «пограничные потребители безопасности», транслируют свои фобии на Запад и начинают говорить: «Русские волки сейчас нас всех съедят!» А на Западе начинают думать: «Подождите, какие волки, раньше никаких волков не было». Все это говорит о том, что они этим вопросом не задавались, а это уже ошибка. По сути, они на аутсорсинг отдали формирование политики НАТО этим пограничным странам.

Но можно ли настолько молодым странам доверить формирование параметров безопасности для региона, от которого зависит стабильность всего мира? Конечно нет. Это же молодые и неопытные элиты, которые не понимают банальной причинно-следственной связи. Им кажется, что если сейчас ударить хорошенько по России, то на следующий день они мирно заживут. Но это опять очень близоруко, потому что они



окажутся первыми, кто пострадает от этого.

Но, повторюсь, главная проблема в том, что НАТО сейчас опирается на мнение этих стран, которое не подкреплено ни опытом, ни послужным списком достижений, ни рассудочностью линии. В этом смысле наш дипломатический коридор станет куда шире, если в НАТО начнут анализировать ситуацию комплексно, опираясь на богатый стратегический опыт Европы.

Скажем, зачем та же Литва портит отношения с Китаем? Где в этом хоть щепотка разумности? Это разговор не взрослых людей, а каких-то капризных детей.

– И все же, неужели настолько снизилось качество аналитики и дипломатии крупнейшей империи мира?

– Ответить нужно оглядываясь на внутреннюю политику. В России, например, сама жизнь вокруг – турбулентность на наших границах и наша внутренняя хрупкость – толкает к тому, чтобы смотреть на все очень трезво и практично. Помните, как Владимир Путин объявил о начале операции в Сирии на саммите ОДКБ в Таджикистане? Он свое выступление целиком посвятил Сирии, перечислению ее угроз, там не звучало фраз о том, что мы начинаем «крестовый поход» – все было очень прагматично и понятно: задача – сохранить региональную стабильность.

Современная американская стратегическая мысль сильно оторвалась от времен Кеннана, Эйзенхауэра Киссинджера и Никсона. Как только для США крупные внешнеполитические вызовы стали звучать реже, особенно после окончания холодной войны, из американской стратегии стал выхолащиваться реализм. Стало падать значение регионоведческой экспертизы, изучения языков.

Тот же Госдепартамент уже тридцать лет находится в режиме постоянного реформирования. Каждые четыре года назначается новый министр и начинается встряска. Каждые несколько лет они производят новую каркасную идею для международных отношений: *responsibility to protect*, гуманитарная интервенция и так далее. Просто какая-то эквилибристика терминами и понятиями, не больше. При этом в США мало кадровых послов. Послами чаще всего становятся люди, которые сделали взнос в президентскую избирательную кампанию.

Даже сами американские наблюдатели очень самокритично высказываются о том, что государственная дотация на изучение русского языка в США была сопоставима со стоимостью двух крылатых ракет.

Опыт борьбы Европы

– Есть ощущение, что отношения Европы и России ухудшаются в последние годы. И это связано не только с уходом Ангелы Меркель, но заметно уже на уровне бизнеса и дипломатии. В чем причина?

– Тут стоит понимать, что Евросоюз, и Германия в первую очередь, не обеспечивает свою безопасность. Они опираются на американские гарантии и привыкли к этому. И им в принципе неприятно даже представить себе ситуацию, где на вопросы безопасности нужно будет отвечать самостоятельно. То же приведение в исполнение американского требования о доведении оборонных расходов до двух процентов ВВП



для них оказалось психологически неприятно, потому что это формирует некий военный потенциал Германии, с которым непонятно что вообще делать.

Собственно, каковы жизненные угрозы Германии? Проблема миграции относительно второстепенна. Климат пока что-то абстрактное. Бывают террористические атаки, но нет угрозы военного вторжения в Германию из пограничных стран. После Второй мировой войны немецкий вопрос был решен, хоть и наиболее жестким способом. Германия фактически получила не только демилитаризацию, денацификацию. Страна «переехала» на несколько сотен километров, а немецкие общины из соседних государств были просто изгнаны.

С тех пор немецкие элиты жили с приятным ощущением, что все узловые вопросы за них решены, в военной плоскости развиваться они не могут, значит, можно заняться поиском своей идентичности. И они стали заниматься экономикой и моральным самолюбованием.

– Но тем не менее у Германии были достаточно теплые отношения с Россией.

– Это было связано с объединением Германии: оно не могло быть реализовано без добрых и конструктивных отношений с Советским Союзом, а затем и с Россией. Тогда у власти находилось поколение немецких элит, которое было воспитано в догме, что находить общий язык с Москвой нужно. Хотя бы ради того, чтобы воссоединиться с Восточной Германией.

Сейчас же у Германии в отношении России такого крупного стратегического проекта нет. Особняком стоит «Северный поток», который целесообразен чисто экономически. Сейчас в Германии начинает доминировать поколение, которое выросло в условиях долгого мира уже объединенной Германии. У них уже нет благодарности по отношению к Советскому Союзу.

У них теперь нет людей, мыслящих стратегически, которые понимают, на чем основан мир в Европе. Нет как таковой военной элиты. Нет элиты внешнеполитической, которая вела бы жесткие переговоры с крупными ставками на кону. То есть это элита, избалованная миром, очень близорукая в своих оценках, которые основаны на страховочных сетках американских военных гарантий.

– То есть они живут под каким-то куполом, дальше которого не видят.

– И их, кстати, труднее будет повернуть в сторону реализма, чем американцев. К нам приезжают студенты по обмену из Германии и других стран Европы, и у нас они вдруг оказываются в совершенно другом круге понятий. Говорят: «Да, раньше мы не так изучали международные отношения. У нас учат, что силовая политика ушла в прошлое». А мы им говорим: «Добро пожаловать в реальность». Они вдруг узнают, что оказывается, безопасно только на «европейском полуострове» Евразии, а что творится в остальных частях света – в Африке, на Ближнем Востоке, в Латинской Америке, Восточной Азии – их не интересует.

В конце концов, лидерство подразумевает жертвенность, готовность к потерям, готовность принять ответственность на себя. Лидерство – это не морализаторство и не фарисейство. Это твердое осознание того, что решение, которое ты примешь, не может всем понравиться. Здесь выбор не между хорошим и плохим, а между разными



версиями плохого. И людей в Европе, понимающих это, становится все меньше. Поэтому Европа и оказывается на задворках той дискуссии, которая идет сейчас между Россией и США по поводу европейской безопасности.

– **Принципиально важен сам опыт борьбы. Это относится не только к Германии, но и к США. Конечно, они многое сделали для победы в холодной войне, но сам распад СССР был для них полным сюрпризом. А отсутствие опыта борьбы за безопасность, видимо, приводит к такой политической и управленческой дистрофии. Именно это во многом затрудняет диалог между Россией и Западом.**

– Действительно, начиная с 1992 года в США преобладала идея, что они победили. И не кого-нибудь, а Советский Союз. Но вновь, обратите внимание, это был ошибочный тезис: Советский Союз не потерпел военного поражения. Впрочем, такова человеческая природа – выдавать желаемое за действительное. Видимо, нас отрезвляет только какая-то встряска, кризис, катастрофа.

Наиболее устойчивая система в условиях наличия ядерного оружия родилась по итогам крупнейшего ядерного кризиса. Но для того, чтобы надежно договариваться, а потом соблюдать эти гарантии, нужно твердо осознавать, что в случае нарушения последствия будут намного хуже, чем при соблюдении гарантий безопасности. Думаю, что именно это и есть стержневой процесс того, что сейчас происходит в диалоге между Россией и США.

Традиции русской дипломатии

– Российскую дипломатию принято ругать. Говорят, у нас давно дефицит выдающихся кадров, хромает качество аналитики, мало узких специалистов. Из-за этого мы часто проигрываем в нюансах, не в состоянии быстро и оперативно реагировать на вызовы.

– Люди, которые так думают, исходят из того, что в международных отношениях все можно контролировать: якобы другие страны реализуют какую-то стратегию, и твоя задача – просто правильно ее понять и вовремя отреагировать. Но это не так.

В международных отношениях, как и вообще в политике, доля непроизвольного, спонтанного крайне велика. Я думаю, что она где-то 70 на 30 в пользу спонтанного, того, чего не ожидаешь. Посмотрите даже на американскую внешнюю политику. Это не пример эффективности, они деньгами и силой затыкают свои бреши во внешнеполитическом планировании. А идеологические шоры, которые они на себя повесили, не позволяют им адекватно оценивать ситуацию.

Показателен пример поведения администрации Обамы в Египте в ходе «арабской весны», где, с одной стороны, был их союзник Хосни Мубарак – надежный долгосрочный военно-политический партнер в регионе, миллиардные дотации получал из оборонного бюджета, покупал американское оружие, его офицеры тренировались в США. Высыпают люди на улицы, и в США возникает мнение, что это народное восстание против диктатора. Для Обамы это стратегический выбор – толпа против союзника, и он предпочитает поддержать толпу. Выясняется, что толпа преимущественно исламистская, на свободных выборах побеждают «Братья-мусульмане»*, и у американцев начинают меняться оценки. Через короткое время они вынуждены поддержать предложение египетских военных навести порядок и



совершить переворот. Разворот на сто восемьдесят градусов! И это довольно болезненный опыт для египетских элит, которые теперь не понимают, в чем интерес американцев, когда они вновь предадут. И начинается диверсификация египетской внешней политики. Повышенный интерес к другим центрам силы.

Ресурсы России существенно более ограничены, чем американские. Мы не можем позволить себе такие грубые ошибки. Зато наша качественная экспертиза по странам и регионам мира зачастую лучше. Нам также помогает постсоветская усталость от идеологии, которая позволила выработать прагматизм.

Нас в меньшей степени интересует то, что интересует американцев: а кто на правильной стороне истории? Нас интересует, скорее, насколько стабильная ситуация у партнера. Как выглядит властная иерархия, как выглядят отношения между разными группами элит, как добиться учета интересов всех значимых игроков.

– Почему для нас это приоритет? Потому что легче выстраивать долгосрочные отношения со стабильным партнером?

– В том числе. Россия, в отличие от США, не остров. Там, в Западном полушарии, имея двух комфортных соседей и два океана, ты можешь быть поглощен своей внутренней политикой и не быть настолько внимательным к региональным, языковым, ментальным, культурным особенностям соседей, можешь позволить себе путать Казахстан с Узбекистаном, не разбираться, что там на Ближнем Востоке происходит, Россию малярным валиком «рисовать» в своей прессе, а не реалистскими мелкими штрихами.

Мы не можем себе такого позволить. У нас самые протяженные сухопутные границы. Для нас крайне важно понимать, причем как можно более детально, состав правительства и ключевые установки в странах от Норвегии до Северной Кореи, от Грузии до США, от Японии до Польши. И это делает нашу страну чемпионом в сфере регионоведения.

В МГИМО преподается наибольшее число иностранных языков среди всех вузов в мире. Рекорд Гиннеса. Каждому языку соответствуют курсы специализации по региону – это история, политическая система, экономика и внешняя политика конкретной страны. Такого набора специальных регионоведческих дисциплин не дает ни один вуз в мире.

Мы стремимся к тому, чтобы российская внешнеполитическая традиция, выращенная на собственном опыте, постоянно воспроизводилась. Наблюдая за опытом молодых государств, в том числе новых государств Евразии, мы видим, как трудно сформировать собственную традицию внешней политики. Люди импортируют книги, импортируют профессоров, импортируют диаспору, которая обозначает некие несовместимые с жизнью приоритеты. Но в конечном счете нужно несколько поколений побед и поражений, для того чтобы в умах элит правильно сложились причинно-следственные связи о месте страны в мире и оптимальной внешней политике.

Среди всех крупных европейских стран у России есть уникальный непрерывный опыт великой державы – активная дипломатическая и военная линия на протяжении



нескольких сотен лет. Мы находимся на вершине дольше других, тогда как многие наши исторические соперники уже в девятнадцатом-двадцатом веке выпали из когорты великих держав. У них изменились дипслужбы и университеты, которые готовят дипломатов. Дипломат у них часто является фигурой театральной, фигурой, которая должна, скорее, заниматься коммуникацией, чем необходимыми переговорами. Мы видим в беседах с коллегами, что им часто отказывает и здравый смысл, то есть они не понимают последствий реализации собственных целей.

– Разве у нас не менялась традиция после развала государства в прошлом веке?

– После крупных потрясений, разумеется, был короткий период экспериментов. Но в каждом из этих эпизодов в итоге выкристаллизовывалось ядро национальных интересов. Российский исследователь Цыганков выделяет три ключевые группы внешнеполитического мышления в России: западники, государственники и традиционалисты. Так вот, после экспериментов в ходе больших потрясений в итоге к руководству приходили люди государственного мышления, которые считали, что узловым интересом любого правительства должна быть защита территориальной целостности и суверенности России. Совершенно особой европейской страны в силу ее грандиозного размаха и территориального охвата, сложности и хрупкости.

Этот парадокс всегда наблюдаешь, когда пересекаешь восточную границу России с Кореей или Китаем – сразу чувствуешь себя европейцем. Но в беседе с европейскими коллегами понимаешь, что российская идентичность очень сильная, исходит из особого опыта. Наша идентичность сформирована под влиянием большого стратегического опыта: низкая плотность населения, северный климат, короткий посевной сезон, длинные протяженные границы, отсутствие естественных препятствий, вот эти все вещи фундаментально столетиями формируют национальный характер и характер элиты, разумеется. Я думаю, вполне уместно говорить о российской цивилизации как об отдельном явлении.

Источник – «**Эксперт**»

Источник: «**Закладывается новая эпоха в мировых отношениях**»



ОБ АВТОРЕ



Андрей Сушенцов

Директор

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: США, глобальные тренды

Область экспертизы: Ведущий российский политолог-международник, американист. Специализируется на внешней политике США в международных конфликтах. Имеет значительный опыт аналитической работы. Участвовал в прикладных исследованиях по проблемам внешней политики США, конфликтных ситуаций в Закавказье, на Украине, на Ближнем и Среднем Востоке. Исполнял аналитические задачи по заказу Администрации Президента РФ, Министерства иностранных дел, аппарата Совета Безопасности Российской Федерации, Федерального космического агентства России и др. В своих исследованиях рассматривает сферы конфликтующих интересов России и США в Европе, на Ближнем Востоке и постсоветском пространстве. Ключевые публикации – монографии «Малые войны США», «Очерки политики США в региональных конфликтах 2000-х годов», «Россия и мир в 2020 году». Является редактором ежегодного прогноза «Международные угрозы».

Профессиональный опыт: Директор Института международных исследований МГИМО МИД России и Консалтингового агентства МГИМО «Евразийские стратегии». Программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай». Был приглашенным профессором и научным сотрудником в Джорджтаунском университете, Университете Джонса Хопкинса, Свободном университете международных исследований им. Гуидо Карли, Гарвардском университете, Мидлберийском институте международных исследований в Монтерее. Член Совета по внешней и оборонной политике и Рабочей группы по будущему российско-американских отношений.

